

«Прохиндиада» с продолжением

Главы из книги «Записки последнего сценариста» в разное время публиковались на страницах «ЭС». Сейчас книга завершена, она должна выйти к концу лета в московском издательстве «Алгоритм». Предлагаем вниманию читателей одну из последних глав.

Рукопись была уже готова, когда один из издателей подал идею дописать в конце еще какую-нибудь историю, по возможности повеселее, разбавив ею уж очень серьезные и глубокомысленные, по его мнению, последние главы. Он имел в виду, по-видимому, какие-нибудь забавные случаи вокруг съемок, подробности из жизни звезд, что-нибудь из тех баек, каких всегда в избытке у каждого уважающего себя киношника.

Я не стал отказываться, наоборот, с благодарностью принял этот совет, так как считаю, что юмор никогда и ничему не повредит. Тем более, что и мне, пожалуй, есть что вспомнить, в том числе и из жизни популярных звезд.

Что касается модной нынче исповедальной темы, то есть собственных походов, то признаюсь сразу: ни с кем из актрис романов у меня не было, а случись такое, я, наверное, не стал бы звонить об этом на каждом углу, тем более описывать в книжке. Меня, впрочем, уверяют, что сами кинозвезды, быть может, досмерти рады, когда амурные истории с их участием становятся достоянием публики. «Гораздо обиднее, по-моему, если вообще никто ничего про них не напишет» — говорит по этому поводу Андрей Кончаловский, установивший в этом смысле своеобразный рекорд бесстыдной откровенности в двух своих недавно вышедших книгах.*

Мне тут сказать нечего. У автора к актерам, пусть это не покажется наивным, чувство особое — как к собственным созданиям, если хотите. Это твои дети. Чувство, которое, может быть, трудно понять. Тем не менее романы в съемочной группе, особенно в экспедициях, дело обычное, люди день и ночь вместе, живут бок-о-бок, и вообще эта ненормальная будничная-праздничная жизнь остается в памяти навсегда, и говоря «картина», вспоминают не о премьере, не о рецензиях, успехе или неуспехе, а как раз о том, как и где жили и кто был рядом, и как везло или не везло с погодой.

Недавно я написал об этом сценарий — «Кино про кино». Там как раз съемочная группа, экспедиция, какой-то бывший Дом творчества, где все они разместились, — нынче пансионат «Родник». Те, кто знает, вспомнит бывшее наше Болшево. А «Родник» — это, как выясняется, некие Роднянский и Николаев, нынешние владельцы дома. А к концу дом снова продан, и теперь это уже «Дубки» — Дубровский и Кириллов или как-то еще... А для героев фильма тут целая жизнь, сплетение судеб, дружбы, романы, страсти. Снимают они при этом какую-то муть — триллер, потом переделывают его в мелодраму. Так ли уж важно, что именно и с каким результатом...

Так вот, из жизни звезд. Можно бы, впрочем, и про братьев режиссеров; тут у меня целая коллекция сюжетов — я смею утверждать, постиг за годы близкого общения сокровенные тайны психологии этих замечательных людей, что позволяло иногда даже манипулировать ими, признаюсь в этом. Ну, например, подsunуть самый первый вариант сцены под видом четырнадцатого, зная, что капризный мэтр, уже позабыв, что и когда он забирал, не видя твоих труды, наконец-то вздохнет с облегчением: ну вот, теперь то, что надо! Или, в другом случае, выдавать свою придумку за его, аккуратно подводить его к этому. Здесь, словом, целая наука. Иногда за выпивкой я даже делился ею со своими жертвами, и те снисходительно улыбались.

Одни из моих мэтров отличались крайней неуверенностью и самодеятельностью, другие — непрошибаемым упрямством, третьи — тем и другим одновременно. На любой случай существуют свои приемы. Упрямого лучше не тормозить, согласиться: ладно уж, пусть будет так, но с безразлично-обреченным видом: что ж, если ты так хочешь, я не настаиваю, пожалуйста, — пока он сам не взвизгнет: нет уж, давай сделаем по-твоему! Говори! Как ты хотел?

Подозреваю, что и у них для нас есть свой набор всяких хитрых уловок, о которых мы тоже не догадываемся.

Но я обещал — про кинозвезд. И вот первое, что вспомнилось: Калягин с телефонной трубкой, в слезах. Нет, не в кадре, не перед камерой, а в жизни: у себя в кабинете на студии «Ленфильм», где он, режиссер, ставит «Прохиндиаду-2». Кончились деньги, они кончаются периодически, это уже середина 90-х — нищий кинематограф, нищий «Ленфильм». В перерывах между съемками Калягин садится на телефон и начинает искать очередного спонсора. Вхожу в кабинет и слышу:

— Умоляю вас, Анатолий Александрович, выручайте! На два месяца, в долг, под расписку! Вы моя последняя надежда! Понимаю, Анатолий Александрович, я все понимаю, но вы представьте положение: стоит декорация, и завтра ее начнут ломать, если мы не погасим долги. Вот мне подсказывают: уже начали, уже ломают!

Нетрудно догадаться, кто этот Анатолий Александрович, который должен нас выручить. Это Собчак, тогда еще мэр Санкт-Петербурга. Калягин описывает ему наше бедственное положение и так входит в роль, что на глазах появляются слезы, в горле ком. Вот оно, искусство переживания в чистом виде!

Тут не устоял бы ни один человек, а тем более такой покровитель искусств, каким был, а еще и хотел выглядеть петербургский мэр Анатолий Александрович. Деньги он дал. Правда, через два месяца, день в день, нам пришлось их вернуть: напомнили. Мы, честно говоря, рассчитывали, что забудут.

Вот этот плачущий Калягин с телефонной трубкой до сих пор у меня перед глазами.

В другой раз он добыл деньги, правда, более скромную сумму, уже по всем правилам прохиндиады. Я в который раз подивился тому, как проникают друг в друга актер и его виртуальный герой. В тот день перед съемками Александр Александрович заехал на автомобильный рынок на окраине Питера за какой-то деталью для своих «Жигулей». В одном из магазинчиков деталь нашлась, и хозяин-абхазец тут же завернул ее для дорогого гостя, наотрез отказавшись взять деньги. Я думаю, Александр Александрович ломаться не стал. К тому, что его узнают на улице девять человек из десяти, он привык, не удивлялся; удивлялся скорее, когда вдруг почему-то не узнавали; словом, нес покорно свою ношу. Абхазца он тут же спросил, не хочет ли тот поучаствовать, как спонсор, в создании хорошего фильма, короче говоря, отстегнуть какую-нибудь, пусть даже небольшую сумму на благое дело. Абхазец Слава (так его звали) сказал смущенно, что приличных денег у него, к сожалению, нет, вот есть при себе пять миллионов, если это вас устроит. «Устроит» — сказал, не моргнув, Калягин. Пять миллионов (так, кажется) были в тот год еще приличной суммой. В тот же день Калягин привез их на студию и вручил нашей директорше — как раз очень кстати.

В свою очередь, Слава попросил об ответном одолжении: не откажется ли знаменитый артист отужинать с ним и его ленинградской женой в ресторане «Астория». Что делать, Калягин согласился.

Он и меня тащил с собой — я отказался по идейным мотивам: этот Слава, как рассказал мне Калягин с его слов, занимался своим бизнесом в Питере по поручению земляков — зарабатывал на покупку оружия для абхазо-грузинской войны. Магазинчик был куплен с этой целью, и он у них здесь не единственный. «Не сяду с ним за стол!» — заявил я Калягину.

Насколько я знаю, мой Александр Александрович обращался к Славе еще раз или два, и славное имя абхазца упомянуто в титрах нашего фильма среди спонсоров. Там, надо сказать, довольно длинный список: Александр Александрович добывал деньги всюду, где только мог.

Героя фильма, напомню, тоже зовут Александром Александровичем, но это чистое совпадение.

Слово «прохиндиада» — мое собственное изобретение, во всяком случае нигде раньше его не встречал. Но и «прохиндей», от которого оно произошло, также не значится в известных толковых словарях русского языка. Мне так и не удалось установить его этимологию, а словечко, согласитесь, выразительное. В самом звучании есть что-то хитрое, ненадежное, подозрительное, я бы сказал, прохвост? Не только. И не совсем. Плут?

Слишком, как бы сказать, интеллигентно. Вот именно прохиндей. Попробуйте объяснить иностранцу.

Я уже говорил, что смог насчитать по крайней мере шесть моих знакомых, послуживших каждый по-своему и, конечно, сами того не ведая, моделью для моего героя; на самом деле их, наверно, больше.

Среди прототипов были люди весьма образованные, не чета моему недоучившемуся герою. Один известный в литературном мире человек, по-своему блестящий и уважаемый, увлеклся писанием поздравительных открыток самым разным и тоже, конечно, известным людям к разным праздничным датам. Он, в частности, скрупулезно отслеживал юбилеи, чтобы вовремя отметить поздравлениями и, кстати, писал их всегда собственноручно и не формально, а даже, наоборот, изысканно, благо владел пером. Если вы помните, как герой нашего фильма заполняет поздравительные открытки, а затем рассовывает их пакками в почтовый ящик, то это взято из жизни, разве что преувеличено, как велит жанр.

Открытки эти — лишь проявление способа существования, который избрал для себя наш, скажем так, бесхитрый хитрец. Бесхитрый — потому, что он не преследует какой-то конкретной цели. Хитрец — потому что цель все-таки есть, пусть даже точно не обозначенная. Александр Александрович наш скорее даже чувствует, чем сознает расхождение, что доброе слово, а то и доброе дело, совершенное бездарно и бескорыстно, в конце концов рано или поздно, ну хоть в одном случае из пяти отзовется каким-нибудь конкретным благом для тебя самого. Выгодно быть добрым. Ей-ей выгоднее, чем злым. Александр Александрович делает добро впрок.

А еще — «чтобы иметь много денег, надо много тратить». Это — афоризм самого Александра Александровича, прямо позаимствованный автором от одного из знакомых. Александр Александрович пускает пыль в глаза — и тоже, оказывается, не без пользы для себя. Вот такой у нас прохиндей.

Режиссер мой Виктор Трегубович сделал, конечно, безошибочный выбор, пригласив на эту роль Александра Калягина. И дело

тут даже не во внешности. Калягин из тех редких актеров, кто владеет тайной внутреннего, неуловимого перевоплощения, когда не нужен грим — перед вами другой человек. Тот же, да не тот. Глаза другие.

А здесь он играет в одной роли сразу несколько ролей, виртуозно переходя из одной в другую, меняя амплуа: благородный отец и он же проstack, и он же, если хотите, трагик. Хитер и простодушен одновременно, прагматик и идеалист, строит воздушные замки и попутно устраивает свои и чужие делишки. «Вездесущий колобок, который исцелен из сегодняшнего воздуха, из злобы дня», как на пишет потом умный критик.

Прохиндейство как явление, конечно же, не так безобидно, как может показаться при взгляде на нашего симпатичного героя. Есть, может быть, что-то даже несообразное между эпическим размахом самого названия «Прохиндиада» и рассказанной нами достаточно скромной, как бы комнатной историей. На самом деле все куда серьезнее. Мнимая деятельность имитирует настоящую, фантомы принимают чьи-то облики, копируют фразы, занимают места в жизни, предназначенные другим людям, — может быть, и нам с вами. На этих мнимостях и подменах построены карьеры, в том числе, должен признаться, и некоторых моих знакомых. Это опять — о прототипах.

Кстати, и вся история с «мерседесом» списана с натуры. И эти Тимофеи Тимофеевичи, которые, как сказано, «долго не сидят». И все-таки это скорее из области юмора, чем сатиры. А самого Александра Александровича в конце даже жалко, когда он испуганно ходит вокруг этой навязанной ему шикарной машины и с перепуга же садится за руль и едет бог весть куда.

Десять лет спустя, когда появилась идея «Прохиндиады», мы с режиссером решили, что уж тут-то замахнемся посылней.

Тема не потеряла своей злободневности, словечко, пущенное когда-то в оборот, встречалось теперь в устной и печатной речи: прохиндиада. И что там эти симпатяги прохиндеи эпохи развитого социализма в сравнении с нынешними! Уж тут мы договорились с Трегубовичем, что не дадим спуску нашему герою — покажем, как он воспрял в

жран и сцена